

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИНАКОВОСТИ ДРУГОГО ПО ОТНОШЕНИЮ К МОРАЛЬНОМУ СУБЪЕКТУ

Долоцкая Н. А., Щукин Д. А.
г. Санкт-Петербург, СПбГУ

THE AMBIVALENCE OF OTHERNESS OF THE OTHER IN RELATION TO THE MORAL SUBJECT

Dolotskaya N. A., Shchukin D. A.
St. Petersburg, Saint-Petersburg State University

Аннотация. Анализируется место Другого в становлении морального субъекта. Затрагивается аспект телесности и стратегии преодоления травмирующего влияния Другого.

Ключевые слова: телесность, Другой, взгляд, субъект-объектные отношения, свобода.

Abstract. Analyzes the place of the Other in formation of the moral subject. The aspect of corporeality and the strategy of overcoming the traumatic influence of the Other are revealed.

Keywords: corporeality, Other, sight, subject-object relations, freedom.

Глаз как орган телесного служит «опорой для взгляда» [4, с. 281], делая такой акт физиологически возможным, но взгляд уже не принадлежит телу, трансгрессируя и превосходя его. Взгляд, в отличие от предметно концентрированных телесных органов, дает возможность воспринимать окружающее пространство в качестве цельного, неделимого. Оно представляет собой «универсум» в смысле своей абсолютной однородности. Отличительной особенностью взгляда является отсутствие дистанционности, погруженность, «слитность», причастность видящего к видимому. Взгляд находится «на стороне вещей» [1, с. 119]. Но взгляд не является только интенциональным. Существует и «возвращенный» взгляд, с помощью которого присваивается первоначальная интенция смотрящего. Появление Другого децентрализует и деформирует однородное пространство взгляда, превращая «универсум» в «космос», то есть учреждая некий порядок – прообраз социального порядка, возникающего, когда Других становится много. Дезинтеграцию производит «появление определенного человека в моем мире». Дезинтеграция, противоречащая моей централизующей

воле, демонстрирует ту враждебность Другого, которая затем, предъявляя субъекту его способности, которые он не может познать без Другого, оказывается принципиальным агентом его бытия. Таким образом, хотя бытие субъекта и свободно, только ограничение возможностей субъекта, отчуждающее эту свободу и возможности, позволяет ему узнать о свободе Другого.

Субъект всегда является и объектом так же, как Другой не может быть сведен к пассивной структуре, но обладает активными свойствами, придающими ему статус субъекта. Следовательно, сама проблема реального или эфемерного существования Другого снимается, так как присущая западной философии склонность анализировать все феномены с точки зрения субъект-объектной парадигмы нуждается в корректировке. Феномен взгляда изначально предполагает, что Другой не может быть просто объектом.

Телесность субъекта совмещена с его характеристикой сознания, а значит и «работа» с Другим в физической реальности протекает в логике соотношения сознаний, однако, будучи вторичной, проще расщепляется на кванты времени. Но амбивалентность сопровождает не только субъект-объектность Я и Другого, но и саму телесную структуру индивида. Живое органическое тело представлено двумя предметно различными аспектами: внутренним и внешним [3]. Зона, находящаяся на их стыке, но не относящаяся ни к той, ни к другой стороне – граница тела, в некотором смысле принадлежащая самому телу, и определяющая его отношение и положение к (и во) внешней среде. Живое тело отличается своей позициональностью, в то время как среда выступает как позициональное поле. В то же время живое, расчлененное, тело опосредовано органами и не имеет прямого контакта со средой, где таковым взаимодействием обладает только телесность, репрезентирующая субъекта «вовне». Такая экстерииоризация сочетается с интериоризируемым влиянием среды или Другого. Телесность предстает как тот феномен, который способствует образованию целостности субъекта. Однако, индивидуальное тело не единственное, стремящееся к целостности. Тело общественное, телеологически однородное индивидуальному, нивелирует те значимые конструкты сборки единичного субъекта, которые препятствуют монолитности общественного. Восприятие тела субъекта хронологически располагается после восприятия тела Другого, как единичного «общественного». Различия вытекают из сходства и наоборот: «Все то, что нужно для меня, нужно и

для другого. В то время, как я пытаюсь объективировать Другого, Другой пытается объективировать меня; когда я стремлюсь освободиться от захвата со стороны Другого, Другой пытается освободиться от моего захвата» [4, с. 379]. В некотором смысле, телесность Другого всегда выигрывает по отношению к моей, задавая и помещая меня в уже существующие границы.

Общественное включает в себя не только нормированность и про(и)писанность порядка(у), но и культурные смыслы, придающие телесности оттенок социального артефакта, несущего следы для идентификации субъекта с тем или иным значимым конструктом. Атомарные (по отношению ко всей системе) отдельные артефакты с помощью трансляции смысла на уровень субъекта воспроизводят целое в конкретной точке, одновременно с этим организуя пространство человеческого бытия. Процесс наследования или отпечатка памяти в телесности выражается не только в материальных составляющих, конструирующих образ, но и посредством телесной топографии.

Травмирующее влияние Другого сказывается на подрыве онтической целостности телесности субъекта, которая продолжает постулироваться на концептуальном уровне. Отсутствие целостности субъекта Я продуцирует вопрос о поиске аутентичности личного тела, находящегося со стороны общественного тела под строгим «надзором» соблюдения всех постулируемых норм. Различные стратегии поиска аутентичности либо остаются в рамках установленных границ, несколько деформируя или трансформируя их, или пытаются преодолеть границу, выйти за очерченные пределы.

Ж.-П. Сартра интересуют те стратегии, которые позволяют «терпеть» присутствие двойника: «В самом деле, если я смог бы усвоить себе эту свободу, которая является основанием моего бытия-в-себе, я был бы сам своим собственным основанием. Трансцендировать трансцендентность другого или, напротив, поглотить в себя эту трансцендентность, не устранив ее характера трансцендентности, – таковы две первичные установки, которые я принимаю по отношению к Другому... Я являюсь испытанием Другого – вот первоначальный факт» [4, с. 379].

Ассимилирующая установка предполагает экспансию в символическое пространство Другого, попытку побороть инаковость Другого как таковую. Название второй, объективизирующей установки еще более точно описывает ее

суть: инаковость Другого уничтожается через лишение Другого статуса равного субъекта, а, следовательно, и страх перед фактологизирующими способностями другого человека исчезает. Солидаризация с Другим может произойти в рамках структуры Мы-объект. Но рождается она лишь в том случае, если присутствует Третий, во взгляде которого и происходит соединение субъекта с Другим. Очевидно, что по отношению к Третьему функционируют те установки интерсубъективной коммуникации, которые были описаны выше. Третий лишается своего значения, как только появляется новый Третий, во взгляде которого субъект или Мы-субъект объединяется с прежним Третьим. Таким образом, Третий, с одной стороны, всегда исполняет роль инициатора запуска механизма поиска врага, с другой, именно он дает субъекту возможность реализовывать не только конфликтные стратегии отношения к Другому.

Именно появление Третьего, позволяет говорить о «рождении» пространства политического, которое тесно связано с существованием Врага. «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага» [6, с. 25]. Но и солидаризация между Я и Другим, становящимся другом, становится возможной благодаря Третьему. Субъект, репрезентующий себя в пространстве публичного, структурируется на данном уровне, в том числе и политическим. Враждебность, свойственная политическому, соскальзывая на уровень личного, захватывает единичную телесность, и, выделяя в ней элементы «чуждые» телу социальному, нейтрализует их. Политическое, таким образом, представляется как внутреннее изгнание чужеродного элемента из тела.

В сартровской теории пересечение проблематики сосуществования с Другим и собственно этической проблематики наиболее очевидно представлено в статье «Экзистенциализм – это гуманизм». Отличаясь стилистически и интенционально, статья генеалогически (в ницшеанском понимании генеалогии [2]) связана с текстом «Бытие и ничто». Гуманизм обращается против субъекта, который должен не только свое бытие, но и бытие окружающих взять на себя, но не способен сделать этого. Основная этическая характеристика сартровского субъекта – свобода, в том числе, и в выборе других этических ориентиров. Вместе с тем, свобода – следствие заброшенности в мир, отсутствие опоры, обнажающее экзистенциальный ужас. Потому и утверждение Сартром независимости

напоминает приговор: «Это и есть то, что я выражаю словами: человек осужден быть свободным» [5, с. 327]. Приговор выносится на основании невозможности решения дилеммы, альтернативы которой можно определить как «этика сходства» и «этика различия». Если Другой существует как другое Я, его существование идентично существованию субъекта, попытки субъектом взять на себя ответственность за прочих – акт агрессии и покушение на свободу. В условиях сартровского «отзеркаливания» покушение на свободу Другого означает, что и свобода субъекта под угрозой.

Очевидна и другая грань дилеммы: ввиду своей уникальности, человек ответствен не только за свою индивидуальность, но и за всех людей. Подобная ответственность в конечном итоге сопряжена с той свободой, которая, выражаясь постмодернистски, сама себя «деконструирует». Субъект не свободен отказаться от своей свободы, более того, свобода ограничена тотальной ответственностью, которая по Сартру является частью самой свободы. И в этом случае Другой оказывается враждебным по отношению к субъекту, изначально определяет его положение как противоречащее, не освобождая от ответственности за себя и отнимая символическую точку опоры.

Список литературы

1. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. – М., 2004.
2. Ницше Ф. Генеалогия морали. – СПб., 2011.
3. Плеснер Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию. – М., 2004.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М., 2000.
5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М., 1989.
6. Шмитт К. Понятие политического // Политология: хрестоматия. Под ред. М. А. Василик. – М.: Гардарики, 2000.